

Отзвуки тобольского дела чувствуются не только в характере Мити. Хотя облик Федора Павловича Карамазова ничем не напоминает старика Ильинского (из документов следственного дела явствует, что убитый был старше Федора Павловича: в службу он вступил из духовного звания, служил в Тобольской казенной палате, вышел в отставку в чине коллежского советника, имел знак отличия «за беспорочную двадцатипятилетнюю службу», и ко времени преступления ему был 71 год), один штрих все-таки сближает Ильинского-отца и Карамазова. Первый постоянно отзывался о сыне: «...я боюсь Дмитрия, он мой злодей», второй все жалуется на «непочтительнейшего Франца Мора» (IX, 73). В главе «Таинственный посетитель» также можно отметить детали, возможно восходящие к процессу Ильинского. Здесь подозреваемый в убийстве вдовы-помещицы слуга некоторыми чертами сближается с денщиком Ильинского Алексеем Куклиным. Улики на того и другого падают потому, что их видят «с запятой почему-то в крови правую ладонью» (IX, 302). Оправдываясь, слуга в романе, как и денщик Ильинского, «утверждал, что кровь шла из носу». Этот слуга, подобно Куклину, умер под судом. А истинный убийца сознался в преступлении через четырнадцать лет. Через столько же лет после убийства отца Ильинского, в 1858 г., в судьбе его сына происходят перемены (см.: 4, 285). Для объяснения причин их мы не располагаем документами, но, со слов Достоевского в «Записках из Мертвого дома», знаем, что «настоящие преступники нашлись и сознались» (4, 195). Возможно, что и упоминание в речи прокурора на процессе Мити об убийце, который, зарезав, подложил «мертвецам под головы подушки» (X, 357), возникло под влиянием воспоминаний об обнаружении тела Н. Ф. Ильинского, которое было найдено с подложенной под голову подушкой.

В показаниях свидетельницы мещанки Королевой встречается фраза: «... в городе Тобольске проживаю, с мужем своим, в собственном доме за Мокрым питейным домом». В старом Тобольске действительно был питейный дом «Мокрый»; «ориентируясь на кабаки, писцы заносили обывательские дома в книги: двор посадского такого-то у кабака такого-то. Кабак являлся общественным клубом и биржей труда, местом беспопытного торга и любовных свиданий».⁶ Такой же характер носит постоянный двор в Мокром, где кутил Митенька. Хотя исследователи возводят Мокрое к одному из омских форштадтов с тем же названием, возможно, что Достоевский знал и о «Мокром питейном доме» в Тобольске.

О более глубоких аналогиях или переключках судеб лиц реальной трагедии Ильинского и героев Достоевского говорить не приходится: строки следственного дела раскрывают всего лишь одну из исходных точек сложного и глубокого замысла романиста.

⁶ Конылов Д., Прибыльский Ю. Тобольск. Свердловск, 1969, с. 56.

Е. И. КИЙКО

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ»

(Иван и Смердяков)

В начале 1878 г. Достоевский был погружен в составление плана «Братьев Карамазовых».¹

Сохранившийся листок с записями, сделанными в середине апреля 1878 г., и озаглавленный «Memento (о романе)»,² позволяет заключить, что к этому времени план будущего романа еще не определился, хотя уже ясно, что его сюжет будет включать и события, о которых писатель собирался рассказать в неосуществленном замысле 1874 г. «Драма. В Тобольске...»³ Об этом свидетельствует заметка: «Справиться, жена осужденного в каторгу тотчас ли может выйти замуж за другого?». Интересующий здесь Достоевского юридический казус имеет отношение к сюжетной ситуации старого замысла. Там невеста осужденного на каторгу по обвинению в отцеубийстве старшего из двух братьев выходит замуж за тайно влюбленного в нее младшего, который был истинный убийца. Много лет спустя младший брат кается и признается в совершенном преступлении. Перед отсылкой на каторгу он «просит старшего быть отцом его детей». Очевидно, в связи с этим у Достоевского и возник вопрос, как скоро может совершиться брак вернувшегося брата с женой осужденного. Кроме того, Дмитрий Карамазов в черновых набросках к роману неоднократно называется Ильинским по имени своего прототипа, а Иван Федорович — «Ученым» или, чаще, «Убийцей». Последнее его прозвище весьма знаменательно. Вероятно, на ранней

¹ См.: Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971, с. 327.

² См.: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, с. 81—82.

³ Замысел этот, в основу которого была положена история Д. Н. Ильинского, рассказанная уже прежде Достоевским в «Записках из Мертвого дома» (см.: 5, 45—46, 195), впервые был опубликован Л. П. Гроссманом (см.: Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Т. I. М., 1935, с. 7).

стадии работы над «Братьями Карамазовыми» Достоевский предполагал, что именно Иван станет отцеубийцей, как это и было в тобольской истории.⁴

В ходе работы над романом Достоевский изменил ранее намеченную сюжетную ситуацию: хотя один из братьев Карамазовых (Иван) любит невесту другого (Мити), соперничества между ними нет. Фабула романа ограничивается судебным разбирательством и ошибочным осуждением Мити. История же покаяния убийцы — центральная в заметке «Драма. В Тобольске...» — пашла в «Братьях Карамазовых» косвенное отражение, с одной стороны, в рассказе Зосимы «Таинственный посетитель»,⁵ а с другой — в публичном признании Ивана, что убил отца не Митя, а Смердяков, которого он «научил убить» (X, 349).

На той стадии работы над романом, когда Иван называется в предварительных заметках «Убийцей», имя Смердякова не упоминается. Не исключена возможность, что четвертый, незаконнорожденный, брат был введен Достоевским в повествование под впечатлением пересмотра старых записных книжек.

Обдумывая вторую книгу романа, заготовившая темы разговоров в келье старца и отдельные реплики, Достоевский сделал заметку: «Humble et hautain comme tous les fanatiques (V. Hugo)».⁶ Как установил В. Л. Комарович,⁷ приведенная французская фраза — цитата из «Отверженных» (1862). Характеризуя Жавера, В. Гюго там пишет: «Il était stoïque, sérieux, austère, rêveur, triste, humble et hautain comme les fanatiques».⁸

Достоевский высоко ценил «Отверженных» Гюго. В феврале 1876 г. он записал: «Прекрасное в веке: Пиквик, „Notre Dame“, „Misérables“. Первые повести Жоржа Занда, лорд Байрон (хромая нога), Лермонтов, Тургенев, „Война и мир“, Гейне, Пушкин, Вальтер Скотт».⁹

Размышляя в марте того же 1876 г. о том, где взять «хороших людей», Достоевский замечает: «Хорошие люди соприка-

⁴ А. С. Долинин, которому не был еще известен связанный с «Братьями Карамазовыми» замысел «Драма. В Тобольске...», опубликованный Л. П. Гроссманом несколькими месяцами спустя после выхода в свет сборника, где напечатаны рукописи «Братьев Карамазовых» с примечаниями А. С. Долинина, считал, что, пазывая в черновых набросках Ивана «Убийцей», Достоевский имел в виду только нравственную вину героя-атеиста, с его теорией «всё дозволено» (см.: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, с. 357).

⁵ См.: Гроссман Л. П. Последний роман Достоевского. — В кн.: Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы, т. I, с. 8.

⁶ Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, с. 91.

⁷ См.: Dostojevski F. M. Die Urgestalt der «Brüder Karamasoff». München, 1928, S. 503.

⁸ Hugo V. Les Misérables. Première partie. Fantine. T. II. Paris, 1862, p. 68. — «Он был стоически тверд, серьезен и суров, печален и задумчив, скромен и надменен, как все фанатики» (Франц.; ч. I, кн. 5, гл. 5).

⁹ Лит. наследство. Т. 83, М., 1971, с. 420.

саются с идеалами. Во Франции — в „Misérables“. В твердой Англии — Диккенс».¹⁰

Не переставая восхищаться «Отверженными», Достоевский писал месяцем позже, 9 апреля 1876 г., Х. Д. Алчевской, что Гюго в этом романе «дал такие удивительные этюды, которые, не было бы его, так бы и остались совсем неизвестными миру» (II, III, 206). Одним из таких «удивительных этюдов» для Достоевского был созданный автором «Отверженных» образ Жавера. В набросках к «Дневнику писателя» за 1876 г. Достоевский отметил: «Я ничего не читал глубже в этом „отрицательном“ роде. Говорят о реализме в искусстве: Javert не реализм, а идеал, но ничего нет реальнее этого идеала».¹¹

Впервые французская фраза, приведенная в заметках к «Братьям Карамазовым» и взятая из характеристики Жавера, появилась в записной тетради 1875—1876 гг.¹² без указания, однако, на источник цитаты: «Il était humble et hautain comme tous les fanatiques. Il avait la religion de ses fonctions et il était espion; il l'était espion comme on est prêtre».¹³

Запись эта может быть датирована декабрем 1875 г. по месту расположения в тетради. В 1876 г. Достоевский опять вспомнил о Жавере в связи с посещением Воспитательного дома для незаконнорожденных детей.¹⁴

Размышляя о том, как воспримут дети внушаемую им мысль, что они «не такие дети», как «те, другие», что они «всех хуже» (XI, 299), Достоевский сделал заметку: «Почему? Это <...> потому-де, что отец твой и мать бесчестные. Почему бесчестные? Чувства. Средин и бездарность — подла. Верхушка — злодейство или благородство, или и то и другое вместе. Вот где героя романа взять. У Victor Hugo — enfant trouvé — сыщик».¹⁵

Образ Жавера еще раз привлек внимание Достоевского, когда он задумался о возможных жизненных судьбах «подкидышей» и своеобразии их психологического склада. В том же 1876 г. Достоевский писал: «Поэзия иногда касается этих типов, но редко. Кстати, мне припомнился сыщик Javert из романа Victor'a Гюго „Les Misérables“ — он родился от матери с улицы, чуть ли не в укромном уголке <...> и всю жизнь ненавидел этих женщин».¹⁶

¹⁰ Там же, с. 441. См. сводку литературы вопроса о Достоевском и Гюго в статье: Fridlender G. Les notes de Dostoievski sur Victor Hugo. — In.: Dostoievski. Paris, 1973, p. 288—295.

¹¹ Лит. наследство. Т. 86, М., 1973, с. 66.

¹² Там же, т. 83, с. 381.

¹³ «Он был скромен и надменен, как все фанатики. Он набожно относился к своим обязанностям, и он был шпионом; он был шпионом, как бывают священником» (Франц.).

¹⁴ Посещение это описано в майском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, «Об одном здании. Соответственные мысли».

¹⁵ Лит. наследство, т. 83, с. 538 (курсив наш, — Е. К.).

¹⁶ Там же, т. 86, с. 66.

Последний отрывок из записей к «Дневнику писателя» за 1876 г. впервые был опубликован (в немецком переводе) в 1928 г. В. Л. Комаровичем, высказавшим предположение, подтвержденное теперь дополнительными фактами, что образ Смердякова возник у Достоевского на основе реминисценций из «Отверженных» Гюго.¹⁷

Наметив ввести в роман четвертого, незаконнорожденного, брата Карамазова, Достоевский вернулся к давнишнему своему намерению создать русский вариант «enfant trouvé». Он «взял» в качестве героя романа «подкидыша», принадлежащего к «средине и бездарности» и поэтому потенциального «подлеца».¹⁸

«Отверженные» В. Гюго и посещение Воспитательного дома для «подкидышей» определили общую художественную задачу, которую Достоевский собирался решить. Конкретные же черты задуманный образ приобрел, вероятно, только тогда, когда автор связал его с событиями, свидетелем которых он был в детстве.

Брат писателя, Андрей Михайлович Достоевский, в своих воспоминаниях рассказывает, что в деревне их отца жила «дурочка Аграфена», которая «претерпела над собою насилие и сделалась матерью ребенка».¹⁹ Реально существовавшая юродивая послужила прототипом матери «подкидыша», названной в романе Лизаветой Смердящей. Имя Лизаветы Смердящей неоднократно встречается в подготовительных материалах к «Подростку».²⁰ Краткая ее характеристика содержится и на листочке с записями, озаглавленными «Словечки»: «Лизавета Смердящая. „Тело невеличкое, всего двух аршин, двух вершков была (всего двух аршин, двух вершков с малым)“».²¹ Рядом с заметкой о Лизавете Смердящей на полях Достоевский написал: «Смердяков». Так герой-«подкидыш» получил биографию и имя, отражающее его внутреннюю сущность.

Образ Смердякова был создан Достоевским под влиянием литературных и житейских ассоциаций. Введение же этого персонажа

¹⁷ См.: Dostojewski F. M. Die Urgestalt der «Brüder Karamasoff», S. 506.

¹⁸ К «брошенным детям» отчасти можно отнести Аркадия Долгорукого из «Подростка» (1875). Забытый отцом, он некоторое время находился в пансионе Тушара «из милости», что наложило отпечаток на его психологический облик. Но Аркадий Долгорукий мог принадлежать, по приведенному выше определению Достоевского, к «верхушке» этого таща: в его душе шла борьба между «злодейством» и «благородством», закончившаяся победой добрых сил.

¹⁹ Достоевский А. М. Воспоминания. Л., 1930, с. 63.

²⁰ В «Бесах» (1872) рассказывается о юродивой Лизавете блаженной (см.: 10, 116).

²¹ Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, с. 94. — Судя по формату бумаги и характеру заметок, листок этот, сохранившийся среди рукописных материалов к «Братьям Карамазовым», отделился от записной тетради, которую Достоевский вел в 1875 г. в период работы над «Подростком» и январским выпуском «Дневника писателя» за 1876 г. (ср. со с. 136—144 тетради, хранящейся: ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, № 12; листок см.: ИРЛИ, ф. 100, № 29444, ССХБ. 2).

в структуру «Братьев Карамазовых» имело внутренние причины, обусловленные логикой развития первоначального замысла.

Задумывая Ивана Карамазова, Достоевский продолжал сложившуюся уже в его творчестве традицию изображения героя-атеиста. Образ Ивана генетически связан с Раскольниковым и отчасти со Ставрогиным, что нашло отражение в деталях сюжета романа.

Например, Иван, так же как и Раскольников, изложил свои взгляды, послужившие идеологической основой преступления, в статье, обсуждавшейся затем в кругу его оппонентов; впоследствии, когда преступление совершилось, так же как и Раскольников, Иван «не вынес» своей «идеи» и заболел горячкой. Заметка «Ученый брат, оказывается, был у Старца прежде...»²² — отражает не введенный в роман мотив, аналогия которому найдется в опущенной главе «Бесов», где Ставрогин посещает святителя Тихона (см. главу «У Тихона» — 11, 7—30). Можно указать и другие примеры генетической зависимости образа Ивана Карамазова от Ставрогина.²³

Однако в отличие от своих предшественников Иван Карамазов не только носитель разрушительной идеи, но и ее пропагандист. «Всё дозволено», — внушил он Смердякову и тем самым спровоцировал его на преступление. Тот факт, что убил Федора Павловича Смердяков, а не Иван, усугубляет его вину. Личность ответвенна не только за свои собственные деяния, но еще в большей мере за последствия, к которым могут привести распространяемые ею идеи. Таков вывод автора «Братьев Карамазовых». Поэтому введение в повествование Смердякова, «подкидыша» и «подлеца», которому и была поручена роль отцеубийцы, было связано с существенным изменением концепции образа Ивана и всего романа.

²² Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, с. 91.

²³ Так, в конспекте обвинительной речи прокурора изложено рассуждение о безысходном пессимизме Ивана, который не верит ни в европейскую цивилизацию, ни в социализм. «Но такие, как Иван Федорович, и в Европу не верят, — должен был говорить прокурор. — И таких много, и может быть, они еще больше имеют в таком важном деле влияния на ход событий, чем это множество твердых и прекрасных умов, жаждущих обновления от Европы. Крайняя молодежь из этих опасных отрицателей встает в социализм; но высшие из них и в него не верят и пребывают почти в отчаянии. Это отчаяние недалеко до воплощения в образе Федора Павловича: было бы мне хорошо» (Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, с. 312, 313). Вместо этого в печатном тексте романа прокурор говорит об Иване, что он «есть один из современных молодых людей с блестящим образованием, с умом довольно сильным, уже ни во что, однако, не верующим, многое, слишком уж многое в жизни отвергшим и похерившим, точь-в-точь как и родитель его» (X, 359—360). Безверие Ивана прокурор объясняет здесь «равным растлением» «от ложко покаятого и даром добытого европейского просвещения» (X, 361). Достоевский отказался от первоначально намеченной характеристики Ивана в речи прокурора, очевидно, потому, что она давала повод к сближению этого героя со Ставрогиным из «Бесов».